

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПЕРВОГО ТЮРКСКОГО КАГАНАТА
И КИТАЯ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ «БИПОЛЯРНОГО МИРА» Т. БАРФИЛДА**

В статье рассматриваются проблемы взаимодействия кочевого населения Центральной Азии и Китая. В центре нашего внимания концепция «биполярного мира» Т. Барфилда – генерализированная схема взаимоотношений кочевников и Китая с конца III в. до н. э. и до XVII в. н. э. Признавая заслуги Т. Барфилда в систематизации истории сосуществования кочевников и Поднебесной, автор статьи на примере Первого Тюркского каганата показывает недостатки теории применительно к конкретно-историческому материалу. В частности отмечается, что в возникновении тюркской империи главную роль играли эндогенные факторы, а биполярная система возникла только через 20 лет после провозглашения каганата. При этом расцвет военно-политического могущества тюрков был следствием не централизации Китая и роста его ресурсов, а разделения Поднебесной на несколько царств или кризисов Суй и Тан. В результате установлено, что «биполярная система» Т. Барфилда может выступать только как одна из моделей взаимодействия Китая и кочевников, имевшая разные альтернативы.

Ключевые слова: кочевники Центральной Азии и Китая, концепция «биполярного мира» Т. Барфилда, кочевая империя, Первый Тюркский каганат, специфика его взаимоотношений с Китаем.

К вопросам взаимоотношений и взаимовлияния кочевого населения Центральной Азии и Китая обращались многие исследователи. Одно из центральных мест в историографии занял тезис о том, что стремление кочевников к получению ресурсов земледельцев служит важнейшим фактором военно-политической интеграции кочевого мира. Еще в XIX в. В. В. Радлов писал: «Могущество диких орд, сгруппировавшихся вокруг князя, может проявиться лишь тогда, когда эти орды нападают на вражескую область и когда противопоставление себя угнетаемым врагам вынуждает разные племена из чувства самосохранения держаться вместе, т. е. когда вся орда превращается в единое войско с ордами Чингис-хана» [Радлов, 1989. С. 249–250]. В этом же духе высказывались О. Латтимор [Lattimore, 1940; 1974], фон А. Габэн [Gabain, 1949], Л. Н. Гумилев [1961; 1967. С. 44–47, 55–56, 60–63], Л. Крэдер [Krader, 1968], Г. Е. Марков [1976. С. 312], А. М. Хазанов [1975; 2000], У. Айонс [2002], С. Г. Кляшторный [1986. С. 219–220; 2000. С. 63; 2001. С. 84–85; 2003. С. 93, 490, 492 и др.], Н. Н. Крадин [1992. С. 139, 154–157, 171, 174; 2000. С. 315, 329–331; 2002. С. 114, 116, 120–122;

2007. С. 30–31, 119, 131–132], П. Голден [2004. С. 109–112] и мн. др.

О. Латтимор первым попытался системно представить картину отношений кочевников и Китая. Анализируя чередование кочевых государств на границе с Китаем, ученый выдвинул концепцию циклов кочевого правления, каждый из которых включал три либо четыре поколения степных властителей. Степь он рассматривал как маргинальную зону, являвшуюся источником династий завоевателей. В степи преобладали свободные скотоводы, влияние на которых племенных лидеров и более высоких по статусу правителей было невелико. Привилегии знати были ограничены подношениями, пастбищами, скотом, возможностью осуществлять внешние связи и пр. В такой ситуации возвышение статуса правителя могло происходить только путем осуществления военных походов, набегов и завоеваний [Lattimore, 1940; 1974]. А. М. Хазанов, в свою очередь, отмечал, что военно-иерархические объединения кочевников «существовали ради внешней экспансии», а от успешности завоеваний этими объединениями соседей, эксплуатации других кочевников и земледельцев зависела их дальнейшая политическая трансформация.

Наиболее развитые государства кочевников А. М. Хазанов связывал со «способностью» кочевой аристократии стать господствующим классом сельскохозяйственного населения [1975. С. 220, 222–224; 2000. С. 457–459]. В целом в обобщающих исследованиях четко выражена мысль о том, что усложнение политических структур номадов было возможно только вследствие включения в кочевые политии земельных анклавов, тесного общественно-политического взаимодействия номадов и оседло-городского населения, формирования устойчивой системы поступления сельскохозяйственных товаров в степь (см.: [Бродель, 1986. С. 101; Флетчер, 2004; Di Kosmo, 1999; Ди Космо, 2008] и др.).

Важные аспекты отношений кочевых и сельскохозяйственных обществ позволил раскрыть мир-системный подход. Данная макроисторическая теория трактует взаимоотношения сельскохозяйственных обществ и кочевников как взаимодействие центра, мир-империи (сельскохозяйственное общество) и его периферии (кочевники). В соответствии с мир-системной концепцией периферийные общества были весьма ограничены в способах адаптации к влиянию мир-империй. Исследование подобной системы взаимодействия оседлого населения и кочевников на примере отношений Китая и кочевников Центральной Азии в русле мир-системной методологии провел Томас Барфилд [Barfield, 1992; Барфилд, 2004; 2006; 2008; 2009]. Он полагал, что только «эксплуатация экономики Китая» поддерживала существование более или менее устойчивых государственных структур (имперских конфедераций) в степи [Барфилд, 2006. С. 415, 420–431; 2008. С. 16–23; 2009. С. 19–20]. Поэтому исследователь предпочитает говорить о «биполярном мире объединенного Китая и объединенной степи» как генеральной циклической схеме развития региона. В случае кризиса этой системы и упадка централизации в Китае династическая чехарда и междоусобицы, охватывавшие Поднебесную, вызывали соответствующий кризис интеграции у кочевников (либо захват кочевниками северных китайских территорий). С восстановлением единства в Китае возрастал и уровень централизации кочевых политий [Барфилд, 2004. С. 255; 2006. С. 433].

Вне всякого сомнения точка зрения Т. Барфилда оригинальна и вызвала живой интерес со стороны специалистов. Однако рассматриваемый ниже пример взаимодействия Первого Тюркского каганата с китайскими царствами середины VI – начала VII вв. показывает, что историческая конкретика не всегда согласуется с генерализированной схемой американского исследователя и сам он нередко отбирает и анализирует только те факты, которые вписываются в его концепцию. Так, Т. Барфилд синхронизировал рождение тюркской империи с объединением Китая при династиях Суй и Тан. Подъем экономики Китая, начавшейся, по его мнению, еще до восстановления единой империи Суй, стимулировал интеграционные процессы в степи и привел к возникновению новой фазы «биполярной системы» [Барфилд, 2006. С. 436–439; 2008. С. 28–29; 2009. С. 20].

Такая трактовка существенно искажает процесс возникновения Первого Тюркского каганата (552–603) и тем самым отрицает специфику генезиса имперских структур у тюрков. Несоответствие концепции Т. Барфилда реальным событиям в Центральной Азии в середине VI в. отмечал А. М. Хазанов [2002. С. 49–50]. Как полагает автор данной статьи, условия образования каганата тюрков значительно отличались от обстоятельств появления империи Хунну.

Во-первых, сводить все только к одному внешнему «вызову», как это делает Т. Барфилд, неверно. Без определенных внутренних условий (демографический оптимум, сложная этносоциальная структура кочевников, консолидация племенных объединений, наличие харизматического лидера и т. д.) появление имперских политий было невозможно. Для кочевников немаловажным было подчинение соседних кочевников и захват их пастбищ [Хазанов, 2000. С. 269, 271–272, 275], а также доступ к ресурсам жителей Саяно-Алтая [Васютин и др., 2008. С. 49, 58–59].

Следует обратить внимание и на тот факт, что до 572 г. китайские источники не сообщают, предполагали ли договор и династические связи между тюрками и Чжоу выплаты дани кочевникам. И утверждать априори, что шелк либо зерно поступали в значительном количестве в ставку каганата при Муган-кагане, нельзя. В хрониках указываются только подарки и дани Муган-

кагана западновэйским и чжоуским правителям [Бичурин, 1950. С. 231, 232]. Тюрки в это время определенно предпочитали набеги и грабежи, а не дистанционную эксплуатацию, которую Т. Барфилд рассматривает в качестве главной цели создания кочевых империй. По всей видимости, кагану и его окружению хватало тех ресурсов, которые поступали из подчинившихся владений на севере и западе империи, добычи, захваченной в Китае и в Средней Азии, товаров, попадавших в степь в результате обмена. Немаловажно и то, что тюрки до правления кагана Таспара (Тобо) не создали конкретных форм контроля за племенными группами и союзами, входившими в империю. Довольно ограниченная политика набегов Муган-кагана на земли Северной Ци показывает, что Ашина еще не определилась с основным вектором внешней политики и формами получения прибавочного продукта военно-политическими средствами. Только с развертыванием агрессивной политики против китайских царств при Тобо-кагане потребовались и централизация военных сил, и усложнение политической системы в восточной половине каганата. Именно в период правления Тобо-кагана и его наследников возникла та самая модель отношений номадов и Китая, которую Т. Барфилд назвал «биполярной»: Тюркский каган, осознав мощь своей империи, стал проводить политику запугивания китайских царств с целью получения от них престижных товаров. В результате Северная Чжоу спешно заключила договор о мире и родстве, в соответствии с которым тюрки ежегодно получали 100 000 кусков шелка. Одновременно с этим и правительство Ци стало «истощать свои казнохранилища для платы» тюркам [Бичурин, 1950. С. 233].

Во-вторых, с возникновением Суй интеграционные процессы в степи сменились центробежными. Не случайно, что в 581 г. начался затяжной кризис каганата, закончившийся его расколом. Появление единой Суй стимулировало сосредоточение интересов тюрков в Монголии в основном на китайском направлении, а тем самым подтолкнуло империю к расколу. По существу, мы видим две формы адаптации элит на западе и востоке каганата к событиям в Китае. Восток консолидировался для дистанционной эксплуатации китайских ресурсов, а запад империи сконцентрировался на обеспе-

чении согдийской торговли товарами, поступавшими из Китая, и на фискально-пошлинных изъятиях с оседлого населения. Это спровоцировало конфликт интересов между членами клана Ашина, чьи уделы располагались в разных частях империи. Наиболее амбициозные из них (Горэмен, Шету, Кара-Чурин Тюрк, Чулохоу) стремились установить свою власть над всем каганатом и тем самым контролировать как получаемые из Китая товары, так и торговлю ими на трансконтинентальных маршрутах Евразии. Однако смыслом и итогом этих столкновений было оформление двух кочевых политий с различными пасторальными целями в отношении соседних земледельческих обществ.

В-третьих, Первый Тюркский каганат возник, когда в Китае существовали и вели борьбу между собой три царства. Кроме них, в данную междоусобицу были втянуты разные сателлиты (например, Тогон), а также различные этноплеменные группировки в степи. Это в большей степени напоминает алогичную для Т. Барфилда [2004. С. 257–258; 2006. С. 437–439; 2009. С. 25] ситуацию троецарствия в Поднебесной в момент создания Монгольской империи.

В-четвертых, повышение численности населения Китая в середине VI в., чтобы оно сыграло роль интегрирующего фактора для кочевников, должно сопровождаться подъемом китайской экономики. Однако такой экономический взлет запаздывал по сравнению с демографическим ростом и реализовывался только в едином государстве. Для ситуации середины VI в. важны наблюдения С. А. Нефедова, который показывает, что количественный рост жителей Китая нередко сопровождался снижением потребления продуктов питания на душу населения [1999]. Поэтому предполагаемое влияние демографического подъема в Поднебесной в середине VI в. на процессы политической консолидации номадов в Монголии следует еще доказать. Кроме того, Китай, разделенный в середине VI в. на несколько соперничающих между собой царств, не мог дать необходимого интеграционного импульса.

В-пятых, скорее активное вмешательство тюрков в политическую жизнь Китая, набеги и грабежи, огромные по своим размерам дани, выплачиваемые кочевникам северными царствами, способствовали объединению

Китая для решения как внутренних, так и внешних задач. Эффективность восстановленного единства империи была налицо. С провозглашением Ян Цзяня первым суйским императором в 581 г. Китай прекратил выплаты степнякам. Такие действия китайцев подрывали престиж верховного правителя тюркской империи и способствовали росту соперничества за власть и распаду Первого Тюркского каганата. Но суйское правительство этим не ограничивается, проводя политику «разделяй и властвуй» уже в самой Монголии. В итоге появляется марионеточный каган, а элита Восточно-тюркского каганата оказывается в сильной зависимости от Суй. Каган Жангар (Тулихан), оказавшийся на престоле благодаря щедрым китайским дарениям, вместе со своими сторонниками вынужден был расселиться у границы империи. Утрату культурных ориентиров восточно-тюркской аристократией и племенной знатью наиболее наглядно характеризует праздник, организованный суйским императором в 607 г. для Жангара и «3 500 старейшин из его аймака». В ходе этого визита суйский правитель Янди одарил Жангара шелком, колесницей, верховыми лошадьми, музыкальными инструментами, знаменами, а Жангар публично преклонил колени перед императором [Бичурин, 1950. С. 243–245]. Именно так централизованная китайская империя в период своего могущества подминала номадов, а отнюдь не способствовала их объединению в мощную конфедерацию, как полагает Т. Барфилд.

Консолидация Китая и достижение им наивысшего военно-политического могущества привели к возникновению в степи нескольких конфликтующих группировок, выступлениям зависимых племен, вторжениям в монгольскую степь китайцев и западно-тюркских правителей, а тем самым к фактическому разрушению имперских структур тюрков. В этой ситуации заявлять о существовании сколько-нибудь устойчивой «биполярной системы», как это было, например, у хунну и Хань во II в. до н. э., вряд ли уместно. Показательно, что временное усиление Восточного каганата приходится на время кризиса суйской империи и драматичного образования империи Тан. Здесь вновь стоит обратить внимание на демографические показатели, согласно которым в начале VII в. Китай пережил настоящую демогра-

фическую катастрофу – сокращение количества крестьянских дворов с 9 до 3 млн [Нефедов, 1999]. Таким образом, именно сочетание демографического и политического кризисов в Китае позволило тюркам на непродолжительное время восстановить свою гегемонию. Однако как только новая танская династия укрепляется при императоре Тай-цзуне, последовал полный разгром каганата с подчинением тюрков Китаю. В связи с этим еще раз подчеркну, что, вопреки мнению Т. Барфилда, в примере с Первым Тюркским каганатом мы наблюдаем обратную историческую динамику: давление кочевников в отношении Поднебесной в период возвышения каганата способствовало интеграции китайского царства, а создание единой китайской империи привело тюркскую империю к расколу, а позднее к ликвидации Восточно-тюркского и Западно-тюркского каганатов.

Очевидно, что факторы появления «биполярной системы» в каждом конкретном случае могли различаться и нет никакой необходимости подгонять их под одну модель. Стоит признать, что рождение Первого Тюркского каганата связано не столько с экономическим ростом китайских царств, сколько с ситуацией внутри степи. В период борьбы тюрков с жуань-жуанями и активной экспансии тюрков в Евразии (т. е. на протяжении 20 лет) «биполярная система» так и не оформилась. Только с окончанием западных походов, осознанием кочевой элитой своей силы и необходимости поддерживать существование имперских структур за счет ресурсов земледельцев, возникает система отношений тюрков с Китаем, в общих чертах совпадавшая с характеристикой «биполярного мира» Т. Барфилдом. Однако распространять ее функционирование на все время существования тюркских политических (до 745 г.) было бы неправильно. Деформация данных отношений началась еще после раскола Первого Тюркского каганата. Расцвет Тан и разгром Восточно-тюркского каганата окончательно уничтожили «биполярную систему». Она была восстановлена на короткое время в конце VII – начале VIII в. при Капаган-кагане, но в период правления Бильге-кагана существовала, скорее, как своеобразная политическая иллюзия. Ограниченные ресурсы, поступающие из Китая в степь, отсутствие контроля над торговыми маршрутами, конфронтация с карлуками и

тюркешами – все это показывает, что Второй Тюркский каганат в этот период не мог быть полноценным участником «биполярной системы». Таким образом, «биполярная система» Т. Барфилда, может выступать только как одна из моделей взаимодействия Китая и кочевников.

Список литературы

Айонс У. Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Под ред. Н. Н. Крадина, Д. М. Бондаренко. М.: ИА РАН – ЦЦИРИ, 2002. С. 99–108.

Барфилд Т. Монгольская модель кочевой империи // Монгольская империя и кочевой мир / Под ред. Б. В. Базарова, Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 254–269.

Барфилд Т. Мир кочевников-скотоводов // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 415–441.

Барфилд Т. Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // Монгольская империя и кочевой мир / Под ред. Б. В. Базарова, Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3. С. 14–57.

Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, Б. В. Кузнецова; науч. ред. и предисл. Д. В. Рухлядева. СПб., 2009.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 381 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Изд-во «Прогресс», 1986. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. 624 с.

Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко С. С. На северной границе кочевого мира. Дописьменная история населения юга Западной Сибири раннего средневековья: Моногр. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 204 с.

Голден П. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир / Под ред. Б. В. Базарова, Н. Н. Кра-

дина, Т. Д. Скрынниковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 103–134.

Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР. Л.: Изд-во ГО СССР, 1961. Ч. 1: Доклады за 1958–1961 гг. С. 15–26.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 525 с.

Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир / Под ред. Б. В. Базарова, Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3. С. 181–226.

Кляшторный С. Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М.: Наука, 1986. С. 217–228.

Кляшторный С. Г. Первый Тюркский каганат // История Востока. М.: Наука, 2000. Т. 2: Восток в средние века. С. 60–67.

Кляшторный С. Г. Центральная Азия в раннее средневековье // История Казахстана и Центральной Азии. Алматы: Изд-во «Дайк-Пресс», 2001. С. 74–158.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. 560 с.

Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос, 2000. С. 314–336.

Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Под ред. Н. Н. Крадина, Д. М. Бондаренко. М.: ИА РАН – ЦЦИРИ, 2002. С. 109–128.

Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Изд-во «Дайк-пресс», 2007. 416 с.

Марков Г. Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М.: Наука, 1976. 318 с.

Нефедов С. А. О демографических циклах в средневековой истории Китая. Рукопись деп. в ИНИОН РАН. 28.09.1999. № 54932 // Всемирная история / С. Нефедов. Ин-т истории и археологии УрО РАН. URL: <http://hist1.narod.ru/Science/China/China.html>

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир / Под ред. Б. В. Базарова, Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 212–253.

Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 334 с.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы: Изд-во «Дайк-Пресс», 2000.

Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Под ред. Н. Н. Крадина, Д. М. Бондаренко. М.: ИА РАН – ЦЦИРИ, 2002. С. 37–58.

Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell, 1992. 325 p.

Di Cosmo N. State Formation and Periodization in Inner Asian History // Journal of World History. 1999. Vol. 10. No. 1. P. 1–40.

Gabain A. v. Steppe und Stadt im Leben der ältesten Turken // Der Islam. 1949. Bd. 29. S. 56–76.

Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. 369 p.

Krader L. Formation of the State. Englewood Cliffs; N. Y.: Prentice-Hall, 1968. 115 p.

Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. N. Y.; L. American Geographical Society, 1940. 585 p.

Lattimore O. On Some Questions of Periodisation in Nomadic History // Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia. Ulan-Bator: Science, 1974. P. 23–54.

Материал поступил в редколлегию 18.06.2010

S. A. Vasyutin

ON THE ISSUE OF INTERACTION OF THE FIRST TURKIC KHAGANATE AND CHINA IN THE LIGHT OF T. BARFIELD'S CONCEPTION OF «THE BIPOLAR WORLD»

The paper deals with the problems of interaction of nomadic population of Central Asia and China. We bring to light the conception of «bipolar world» of T. Barfield which is a generalized description of nomads' relations and China from the end of III century BC till XVII c. AD. The author both recognizes all merits of T. Barfield in systematization of nomads and the Celestial Empire coexistence and, at the same time shows some shortcomings of the theory in respect to a specific historical material. For example, it is noted that in the endogenous factors played the main role in the Turkic Empire formation and the bipolar system appeared only 20 years after khaganate proclamation. At the same time the flourishing of military and political power of Turkic peoples was a result of the division of the Celestial Empire into several reigns or crises of Sui and Tan but not of China centralization and increasing of its resources. In the result it is concluded that «the bipolar system» of T. Barfield can only be one of models of nomads and China interactions and has different alternatives.

Keywords: Nomads of Central Asia and China, conception of «the bipolar world» of B. Barfield, nomadic Empire, the First Turkic khaganate, specific of its relations with China.